

УДК [27:262.2](470.331)

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СЕЛЬСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (1940-1980-е гг.)

П.С. Иванов

Тверской государственной университет
Кафедра теологии педагогического факультета

Вскрываются внутренняя жизнь церкви и перемены, произошедшие в ней за последние 50 лет на примерах сельских храмов Тверской епархии

Ключевые слова: *чем обернулась государственная регистрация сельских приходов, принцип закрытия сельских приходов в «хрущевское гонение»*

Белая церковь на зеленом холме, ставшая одним из символов России, воспринимается массовым сознанием как символ всего светлого, доброго и дорогого, что есть в нашей жизни. Этот образ густо смешан с гаммой ностальгических чувств – очень многие современные горожане еще помнят или знают, что они родом из деревни. Сельский храм для современного россиянина – это и символ стабильности традиций: семейных, государственных, национальных. Это ключевое звено русского пейзажа, русской красоты. Хотя переживание его в таком аспекте во многом книжное и возникшее из фильмов, подходящих под определение «попсовых», тех, которые должны воспитать «массового» патриота.

Сельские церкви противопоставляются в массовом сознании городским. Городской храм – богатый, дорогой, часто новый или «с иголочки» отреставрированный, устроенный на «спонсорские» деньги, со всеми коммунальными удобствами. Но при этом – холодный, пустоватый, ориентированный на выкачивание денег у богатого и равнодушного «захожанина». Предполагается, что с таким же формально-казенным вниманием здесь подходят и к любому другому человеку, в том числе попавшему в беду, скорбящему, ищущему милости и утешения, а не обряда. Сельский храм не такой. Он обязательно старый, обветшавший, с полинявшим старым иконостасом. За долгим отсутствием ремонта – бедность, но бедность добровольная, ради готовности быть вместе с «малыми земли», вместе с бедными. Сельский храм – это образ сельского человека в лучших его проявлениях – по большому счету, это образ русского старика и старушки, которые честно и трудно прожили жизнь, открыто и радостно встречают и конец ее. «Да и что еще любить в России, как не старые церкви», – писал еще В.В. Розанов. Можно заметить, что положительный образ священника – это, как правило, пожилой сельский батюшка, может быть монах, добрый, скромный и отзывчивый к любому пришедшему к нему человеку.

Долгое время (как минимум, с позднего средневековья) мир сельского прихода был неизменен. Он имел главным условием жизнь сельского священника «от алтаря». Иначе говоря: сельский мир сам содержал своего священника и свою церковь. Случаи, когда или приход был слишком беден, или поп был слишком жаден или жесток (как говорят, «буен»), были не редки, но они в сознании прихожан были не нормой, а ее искажением. Нормальной выглядела ситуация, когда приход мог содержать священника без тяжелого обременения для себя – то есть, например, когда свечной доход (от продажи свечей на церковном ящике) покрывал и коммунальные расходы храмы и давал большую часть заработка священника и церковников, а остальное давали требы (частные заказы прихожан на те или иные обряды и таинства). Плата на свечи была приемлемой, требы оплачивались или по добровольной таксе или были настолько редки для каждой отдельной семьи (например, венчание), что высокая цена на них была терпимым условием.

К 1940-м годам сельский приход в центральной России находился в состоянии шока, вызванного невиданными гонениями на Церковь 1930-х годов, но, тем не менее, был вполне жизнеспособен. Еще в середине 1930-х годов ситуация в сельском церковном мире была близкой к нормальной. Очень тяжелым был кризис 1929-1930 годов, когда в тверских селах закрылись, по подсчетам автора, до трех четвертей приходов, но после первой волны массовой коллективизации храмы вновь открылись, лишь только появились свободные священнослужители. В последних еще не было недостатка. Из приблизительно 3500 имевшихся в Тверской епархии священников числилось в штате к 1929 году не более половины, но убыль большей частью не означала их физического уничтожения. Значительная часть отсутствующих составляли лица, отказавшиеся от служения, но не снявшие сан, обновленцы, к 1930-м годам ничем не отличавшиеся от «тихоновцев», кроме как не поминанием патриаршего местоблюстителя и готовые принести покаяние, наконец, большое число священников не имело регистрации (а иногда и документов), быстро меняя приходы, еще до того, как им успевали заинтересоваться местные органы власти. Все эти обстоятельства привели к тому, что на территории сельских районов действовало в среднем от 50 до 80% дореволюционных приходов, а кое-где, например, в Весьегонском, Молоковском, Максатихинском и других северо-восточных районах их число превышало 90%.

В 1929 году определяющим фактором закрытия сельских храмов стал продналог, который взимался со священника как «тунеядца» и единоличника. Невыполнение налога привело к высылке с приходов огромного количества прежнего священства с лишением его имущества – домов, наделов, мелкого скота. Но власти недооценили возможности

сельского мира, вполне жизнеспособного в начале 1930-х годов. Уже очень скоро после ссылки прежних священников в селах появились новые, иногда перебравшиеся из соседних районов либо отбывшие короткие сроки. Налоги за священников, а также требования властей проводить ремонты зданий выполнялись раскладкой их на всех прихожан. При этом ни о каком зажиточном образе жизни священник не мог, конечно, и мечтать. Но привлечь его к ответственности за неуплату налогов власти более не могли.

От государственных органов стала зависеть жизнь любого сельского прихода. После Постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года, приходы должны были получить новую государственную регистрацию пока в местных органах власти – районных и сельских исполкомах. Но местные органы перед войной не везде осознали всю силу, которую они этим постановлением приобрели. По-видимому, до многих сельсоветов поздно доходили инструкции, как быть с приходами, согласно новым правилам, а забот хватало и без этого. Случались и исключения. В нескольких известных в области случаях, сельские власти прямо поддерживали свои храмы и священников. Имеются случаи, хотя они чрезвычайно редки, когда сельские священники переживали на свои приходах и все 1920-е, и все 1930-е годы и, в итоге, получали регистрацию образца 1944 года. Таков случай прихода села Никола-Реня Сандовского (позже Весьегонского) района. Подобных приходов было всего несколько по области – из полутора тысяч. Интересно, что среди них был и старообрядческий приход Покровской общины во Ржеве.

Только гонение 1937 года по-настоящему затронуло сельские церкви России и Тверской епархии, в частности. По данным Книги Памяти жертв политических репрессий, не менее 1400 священнослужителей в области было арестовано и из них не менее 400 – расстреляно. После такого удара последовала война, затронувшая половину территории области, на части которой жесточайшие бои продолжались полтора года и более. Естественно, очень немногие храмы уцелели в мясорубке боев в нетронутом или малозатронутым виде. Но даже после войны на территории области в границах до 1949 года насчитывалось до шестисот храмов, которые верующие были готовы восстановить. Реальные прошения последовали приблизительно по тремстам-четыремстам храмам. Открыто было до 1947 года около ста. Среди них лишь очень небольшая часть (порядка десяти) оказалась на территории сильно пострадавшей от войны Великолукской области (выделенной из Калининской в 1944 году и просуществовавшей до 1957) года. Огромное большинство составили храмы на территории бывшей Тверской губернии.

Шоковое состояние начала 1940-х годов, вызванное последствиями массового террора было таково, что в ряде мест, где

храмы можно было открыть (они не были закрыты решениями органов советской власти) желающих их открывать не находилось. Яркой иллюстрацией сложившегося положения служит письмо в облисполком из села Раевское нынешнего Максатихинского района от церковного старосты Егоровой Ксении Григорьевны: «В которое время (начало 1941 года – П.И.) умерла староста Павлова А.П., в то же время священник отказался. Тогда Раевский с/совет признал, что церковь без хозяйства. Замкнул нам замком церковь. Во время с/совет Замка и ежегодно налоги уплачивали сполна и ходатайствовала я, Егорова К.Т. о снятии замка, которое было повесившее с/советом. За 1941 год уплочен (Добровольное страхование) 793 руб. (семьсот шестьдесят три рубля) 69 коп. В Брусовский госбанк. Земельный рент 75 руб. 40 коп. (семьдесят пять рублей) 69 коп. Налог за строение 1400 руб. (один тысяча четыреста рублей)... Сперва когда дали извещение страховую и земельную Ренту приход на эту сумму собрав деньги. А когда дали извещение налог на строении на сумму 1,400 руб., я приходу известила, но оне уже на собрании денег не думали, то есть не стали платить собирать. Тогда я просила людей собрать хотя по одному рублю, то оне и за это отказались. Тогда я, Егорова, надумала продать свой личный продукт и имущество, собрав налог своими силами эту сумму и уплатила налог своими личными деньгами в сумме 1400 рублей. Все же в долгу не оставила Церковь с Государством. На 1942 год налоги одно и то же были и плотили, что и за 1941 год, на такую же сумму. Но тогда уж собрал приход деньги за 1942 год. Как будто в 1942 году проснулись люди. В церкве замок висел с 1941 и до 1943 года». (Регистрационное дело прихода Благовещенской церкви села Раевское Максатихинского (Брусовского) района ГАТО ф. Р-2723, оп. 1, №106 Л. 1)

Раевское было одним из немногих мест, где прихожанам удалось восстановить нормальное богослужение в церкви еще до знаменитой встречи Сталина с верхушкой Русской Православной Церкви в сентябре 1943 года. Везде эта возможность обеспечивалась исключительно доброжелательным отношением местной власти. В качестве еще одного примера приведем село Берново (ныне Старицкого района), где храм начал работать вскоре после освобождения от оккупантов (которые его открыли, почему и закрыть его в непосредственной близости от фронта оказалось неудобно): «Протокол собрания от 22 ноября 1942 года. Количество собравшихся 70 человек мужчин и женщин с правом решающего голоса, обсуждали вопрос следующий: заслушав решение Высоковского районого Исполнительного комитета Калининской области о разрешении открытия церкви села Бернова поэтому вопросу решили избрать руководящие органы Правления Церковию на что оне обязаны пред выше стоящими органами Государства выполнять все обязанности пред Государством, на что оказались выборными: 1)Церковный совет: председатель совета Таланов Михаил Петрович,

товарищ его Таланов Иван Федорович, Аполоников Иван Федорович, 2) казначей Чевеверенков Семен Иванович, (об.) помощник его Лаврентьев Александр Петрович, 3) Ревизионная комиссия: председатель Полковников Григорий Арсеньевич, товарищи его Наливнов Петр Федорович, Яковлев Сергей Яковлевич, членам правления доверяем заключать договор со священником от. Ефремом Соколовым на все службы и также на все остальные вопросы по церкви. Избрав все руководящие органы всеобщее собрание приветствует и глубоко благодарит Партию и Правительство за оказанную заботу к нам и покровительство над нами». (Регистрационное дело прихода Успенской церкви села Берново Старицкого (б. Высоковского) района. ГАТО ф. Р-2723, оп. 1, №121. Л. 6) Ситуация, подобная Бернову, наблюдалась, например, в селе Вселуки Пеновского района, где храм действовал при оккупантах, в Зубцове, где войну чудом пережил Успенский собор, а также в Торопецком районе, где удалось открыть два храма – в самом Торопце и селе Метлино. Несмотря на встречающееся мнение, что в оккупированных районах храмы открывались потом легче, чем в местах, где оккупации не было, в действительности не было открыто ни одного прихода в бывших «под немцем» и сохранивших по несколько целых зданий церквей Оленинском, Западновинском, Нелидовском, Жарковском, Андреапольском районах, не говоря уже о полностью уничтоженных войной Ржевском и Бельском. Единственный приход был открыт в бывшем под кратковременной оккупацией Селижаровском районе, два – в пережившем такую же оккупацию Пеновском.

Все сельские прихожане не были настроены видеть себя оппозицией существующей власти. Нет решительно ни одного документа (хотя по городским приходам такие факты имелись), когда сельские прихожане позволяли себе высказывания в адрес советской власти неодобрительного характера. В церковные двадцатки выбирались ранее не судимые и хотя беспартийные, но вполне лояльные к советской власти граждане. (Хотя судимость по политическим статьям в те годы не была препятствием к членству в двадцатках). Пример даже избыточных верноподданнических чувств дают документы церкви села Чистая Дуброва Весьегонского района середины 1943 года:

«Москва Красная площадь. Верховный Совет РСФСР. Тов. Председателю

Прошение Шарова Арсения Афонасьича

Со стороны председателя с/с товарища Комарова расхищается Чисто-Дубровская каменная церковь, дорогой товарищ председатель, просим Вас удовлетворить нашу прозбу и дать указание в Овинищевский Рай-Исполком, чтобы прекратили расхищение Чисто-Дубровской каменную церковь... Да здравствует большевистская

партия, да здравствует великий Революционный Вождь и учитель Маршал Советского Союза тов. И.В. Сталин.

Да здравствуют все Наркомы!

Да здравствует Верховный совет РСФСР и СССР!» (Регистрационное дело прихода Покровской Церкви села Чистая Дубрава, Весьегонского района. ГАТО ф. Р-2723, оп 1. №50. Л. 1) И еще один фрагмент письма от него же: «...Дорогой товарищ секретарь, я обращаюсь к Вам, как к хранителю Советского закона и прошу Вас направить мое заявление по дистанциям с Вашим Верховным указанием, чтобы нам или обществу верующих... выдали разрешение на право открытия церкви. За прошлые годы недоимков не имеется.

Дорогой товарищ Секретарь Верховного Совета РСФСР, я, как уполномоченный от двадцатки и общества верующих перед советским законом даю торжественное обещание в том, что с открытием вышеупомянутой церкви будут отчисляться средства на постройку боевых машин для полного разгрома немецких оккупантов, в чем прошу тов. Секретаря убогаторить мою просьбу.

18 июня 1943 года». (Там же. Л. 3)

Из всех документов 1940-х годов виден значительный религиозный подъем, охвативший русский народ с началом Великой Отечественной войны. Храмы были, во всяком случае, не пусты никогда, если не переполнены. До конца 1950-х годов службы в них были ежедневными и властям еще в начале 1960-х гг. приходилось (уже в рамках «хрущевского» гонения) настаивать на «санитарных днях» (один-два раза в неделю) когда службы не проводились. Для огромной массы вдов и матерей погибших воинов церкви были единственным и естественным местом для утешения. Пока в деревнях оставался этот массовый контингент прихожан, любое закрытие храма сопровождалось протестом, более или менее массовым.

Необходимо отметить, что все вышеупомянутые цитированные документы сохранились в фонде областного уполномоченного по делам русской православной церкви – должности введенной в конце 1943 года. В Тверской (Калининской) области уполномоченных фактически было два: с 1943 по 1962 года Василий Иванович Хевронов, а с 1963 по 1985 годы Борис Валентинович Шантгай. Уполномоченные имели широкие надзирательно-контролирующие полномочия над приходами, но сами по себе не были такими свирепыми гонителями, какими их иногда выставляет популярная околоцерковная литература. Более всего они были зависимы от текущего момента в государственной политике в отношении церкви. Хотя, безусловно, оба они, а особенно Хевронов, имели пристрастия и антипатии к тем или иным приходам и священникам (трудно объяснимые до открытия внутренних архивов НКВД, если последнее вообще произойдет).

В сельских приходах простые прихожане плохо представляли сложную вертикаль церковного управления, сложившуюся в 1940-х годах, когда помимо непосредственно церковной вертикали священник-благочинный-епископ имела и другая, более влиятельная, но более отдаленная, состоявшая из секретаря местного райкома, областного уполномоченного и его московского начальника (председателя Совета по делам РПЦ – это до 1960 года Г. Карпов, а позже Г. Куроедов). Поэтому письма-ходатайства направлялись по обеим инстанциям.

Самым существенным отличием положения сельских приходов в советское время от дореволюционного периода стала государственная регистрация. Она поменяла несколько форм – образца 1918, 1929, 1944, 1962 года. Последняя регистрация была фактически препятствием для закрытых в 1959-1962 гг. приходов, поскольку для них получить новую регистрацию после снятия с нее (причиной последнего могло стать отсутствие священника в течение 6 месяцев) было уже невозможно. Вновь регистрировать приходы стало возможно только с 1988-1989 гг.

Как ни странно, именно советская власть побудила мирян в русской церкви объединяться. Большевики исходили, разумеется, не из соображений помощи приходской жизни, когда последовательно проводили закон 1929 года в жизнь (более-менее это удалось лишь после принятия Устава РПЦ 1961 года). Просто они знали, что до революции старосты часто не отличались ни особой верой, ни особым благочестием. Сельские священники страдали от произвола выбивавшихся в старосты кулаков-коштанов. Староста контролировал церковный свечный ящик, то есть почти всю выручку, кроме треб. Это, естественно, не могло не вызвать частых случаев злоупотреблений. И если до революции священник еще мог на них влиять, то с 1960-х годов это стало очень затруднительно. С засилием старост боролись официальные церковные власти, но во второй половине 20 века, разумеется, такой борьбы светская власть не позволяла.

Так случилось не сразу. В 1930-х годах светские власти еще мало интересовались экономикой прихода. В 1940-х, поскольку наметился крен в сторону поддержки церкви, закрывали глаза на фактическое нарушение закона 1929 года. И лишь при Хрущеве система заработала. Священник не имел возможности влиять на финансовые дела прихода, даже для совершения требы он должен был получать от старосты квитанцию. Фактически вся жизнь церкви отдавалась в руки старост, часто женщин, часто с невысоким образовательным цензом. Это очень устраивало уполномоченных, видевших, что авторитет церкви падает, но, естественно, не устраивало верующих.

В городах приходам было отчасти проще. Здесь было сравнительно больше грамотных верующих. В сельских пять классов были уже почти высшим образованием и большой редкостью.

Можно выделить несколько типовых случаев (с небольшими изменениями), они могут быть распространены на все сельские приходы.

Первый случай был достаточно распространен и служил гарантией со стороны светской власти существования прихода в 1960-1970-х гг. Правда, это существование было медленным умиранием прихода. Достаточно было на должности старосты или казначея (эти две должности могли фактически взаимозамещаться) оказаться недостойному человеку, как авторитет храма падал, доходы снижались, но именно такая ситуация соответствовала государственному представлению о постепенном «отмирании» религии.

Закрытие сельских храмов в послевоенное время носило эпизодический характер. Собственно, было только две государственно организованные компании по закрытию церквей: 1949-1955 годов и 1959-1964 годов. В обеих из них местная советская власть играла очень значительную роль. Несмотря на то, что сами компании инициировались политикой ЦК партии, тому же Совету по делам РПЦ приходилось иногда даже одергивать не в меру ретивых борцов с религией на местах. В этом было важное отличие послевоенных антицерковных компаний от аналогичных акций 1920-х- начала 1930-х гг. По мысли их организаторов, власть должна была лишь дать рухнуть тому готовому рухнуть в силу объективных причин образованию, каким им виделась РПЦ. И даже не вся она (внешне власти демонстрировали для Запада лояльное отношение к Церкви), а ее главная составляющая – сельские приходы.

В первой компании или гонении, как правильнее можно ее назвать, сопротивление верующих было еще чрезвычайно сильно. В ряде случаев Хевронов произвел настолько грубые и насильственные закрытия сельских церквей, что вызвал немалую социальную напряженность, за что был «проработан» по линии Совета по делам РПЦ. Основным механизмом закрытия был налог на священнослужителя как нетрудового элемента, составлявший в тогдашней деревне фактический налог на кулака, рассчитанный на прямой измор последнего.

В 1947 году такие налоги еще снижали, но начиная с 1948 года политика советского руководства по отношению к Церкви начала постепенно ужесточаться. Таким образом удалось, кстати, закрыть и приход в Тарасове (священник отказался от служения). Еще ряд приходов были закрыты благодаря тому, что уполномоченный пользовался раздорами между священниками и церковными советами, «вняв» жалобам последних, убрав священников, чем-то не угодившим (часто по мелким поводам) старостам и прихожанам и не назначив новых. Всего было закрыто порядка тридцати-сорока приходов, но смерть Сталина и смена, хотя на короткое время, политического курса в

отношении к Церкви, позволила после 1955 года открыть многие из них вновь.

Принцип закрытия в «хрущевское гонение» (впрочем, этот термин можно писать и без кавычек, настолько он уже общеупотребителен) был несколько иным. Властям требовалось доказать, что людям уже не нужна церковь как чуждый идеологически и обременительный экономически элемент.

Еще большие сложности имели сельские священники. Тем же секретным постановлением, которым были установлены такие параметры для приходской экономики (а свечи приносили до 80% церковного дохода), устанавливались и параметры оклада для сельского священника – 50 руб. в месяц. Это было лишь чуть выше, чем размер колхозной пенсии (она составляла от 12 до 40 руб.) и значительно ниже прожиточного минимума. Возмущенные таким положением верующие готовы были класть оклад для священника и 100 и 150 руб. в месяц (особенно если священник устраивал прихожан), но реально такие оклады священник стали получать только с 1969-1970 гг. Выходом становилось, если священник был молод и матушка могла работать, назначение матушки на должность дьячка-псаломщика с окладом примерно в 30 руб. Таким образом еще можно было как-то просуществовать. Так складывалась ситуация, например, в Городне Конаковского района и Красном Торжокского, где молодые священники Василий Киричук и Алексей Злобин нравились прихожанам, и они желали их поддержать.

Хрущевское гонение не имело такого резкого конца как сталинское, а потепления отношений с государством пришлось ждать не пять, а двадцать три года. За это время ушли из жизни почти все представители старых «двадцаток», сами здания храмов пришли в запустение, а часто просто превратились в руины или были уничтожены. После 1988 года стало не принципиальным – открывать ли храмы, закрытые в 1960-х, или открывать удобные, расположенные на центральных усадьбах храмы, закрытые еще до войны, или вообще строить новые. Последнее стало все более предпочтительной практикой, поскольку старые храмы, как правило, имели статус памятника архитектуры, и их восстановление требовало на порядок больших средств.

Но главные изменения произошли в демографической сфере. В 1980-х годах из жизни массово уходило последнее воспитанное в дореволюционной России крестьянское поколение, воспитанное еще в бытовой вере и личной порядочности и ответственности. С его уходом умер советский строй. Можно долго говорить о политических причинах его краха, но, на наш взгляд, он явно мог существовать, лишь используя честный и практически бесплатный труд тех людей, которые воспитаны были не им, а совсем другой системой. Для церкви эта перемена

означала грандиозный кризис, ставящий под сомнение самую возможность существования сельских приходов в Нечерноземной полосе России с практически уничтоженной традиционной деревней.

THE MODERN HISTORY OF RURAL ORTHODOX PARISHES IN TVER REGION (1940-1980)

P.S. Ivanov

Tver State University

The department of theology Pedagogical faculty

The internal church lifestyle and changes happened during the past fifty years are shown at the example of rural churches in the Tver eparchy.

Key words: *the consequences of rural parish state registration, the rural parish closing principle during the time of "Khrushchevpersecution"*

Сведения об авторах:

ИВАНОВ Павел Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии педагогического факультета Тверского государственного университета, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33